

О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ ПОНИМАЮЩЕЙ¹ СОЦИОЛОГИИ

1. СМЫСЛ «ПОНИМАЮЩЕЙ» СОЦИОЛОГИИ

В поведении (*Verhalten*) людей («внешнем» и «внутреннем») обнаруживаются, как и в любом процессе, связи и регулярность. Только человеческому поведению присущи, во всяком случае полностью, такие связи и регулярность, которые могут быть *понятно* истолкованы. Полученное посредством истолкования «понимание» поведения людей содержит специфическую, весьма различную по своей степени качественную «очевидность». Тот факт, что толкование обладает такой «очевидностью» в особенно высокой степени, сам по себе отнюдь не свидетельствует об его эмпирической значимости. Ибо одинаковое по своим внешним свойствам и по своему результату поведение может основываться на самых различных конstellациях мотивов, наиболее понятная и очевидная из которых отнюдь не всегда является определяющей. «Понимание» связи всегда надлежит — насколько это возможно — подвергать контролю с помощью обычных методов каузального сведения, прежде чем принять пусть даже самое очевидное толкование в качестве значимого «понятного объяснения». Наибольшей «очевидностью» отличается целерациональная интерпретация. Целерациональным мы называем поведение, ориентированное только на средства, (*субъективно*) представляющиеся адекватными для достижения (*субъективно*) однозначно воспринятой цели. Мы понимаем отнюдь не только целерациональное поведение, мы «понимаем» и типические процессы, основанные на аффектах, и их типические последствия для поведения людей. «Понятное» не имеет четких границ для эмпирических дисциплин. Экстаз и мистическое переживание, так же как известные типы пси-

[495]

хопатических связей или поведение маленьких детей (а также не интересующее нас в данной связи поведение животных), не доступны нашему пониманию и основанному на нем объяснению в такой мере, как другие процессы. Дело не в том, что нашему пониманию и объяснению недоступно «отклонение от нормального» как таковое. Напротив, именно постигнуть совершенно «понятное» и вместе с тем «простое», полностью соответствующее «правильному типу» (в том смысле, который будет вскоре пояснен), может быть задачей, значительно превышающей средний уровень понимания. «Не надо быть Цезарем, чтобы понимать Цезаря» — как принято говорить. В противном случае заниматься историей вообще не имело бы никакого смысла. И наоборот, существуют явления, рассматриваемые нами как «собственные», а именно «психические», совершенно будничные реакции человека, которые, однако, в своей взаимосвязи вообще не обладают качественно специфической очевидностью, свойственной «понятному». Так, например, процесс тренировки памяти и интеллекта лишь частично «доступен пониманию», ничуть не более, чем ряд психопатических проявлений. Поэтому науки, основанные на понимании, рассматривают устанавливаемую регулярность в подобных психических процессах совершенно так же, как закономерности физической природы.

Из специфической очевидности целерационального поведения не следует, конечно, делать вывод о том, что социологическое объяснение ставит своей целью именно рациональное толкование. Принимая во внимание роль, которую в поведении человека играют «иррациональные по своей цели» аффекты и «эмоциональные состояния», и тот факт, что каждое целерационально понимающее рассмотрение постоянно наталкивается на цели, которые сами по себе уже *не* могут быть истолкованы как рациональные «средства» для других целей, а должны быть просто приняты как целевые направленности, не допускающие дальнейшего

рационального толкования, — даже если их возникновение как таковое может служить предметом дальнейшего «психологически» понятного объяснения, — можно было бы с таким же успехом утверждать прямо противоположное. Правда, поведение, доступное рациональному толкованию, в ходе социологического анализа понятных связей очень часто позволяет конструировать наиболее подходящий «идеальный тип».

[496]

Социология, подобно истории, дает сначала «прагматическое» истолкование, основываясь на рационально понятных связях действий. Именно так создается в политической экономии рациональная конструкция «экономического человека». Такой же метод применяется и в понимающей социологии. Ведь ее специфическим объектом мы считаем не любой вид «внутреннего состояния» или внешнего отношения, а *действие*. «Действием» же (включая намеренное бездействие или нейтральность) мы всегда называем понятное отношение к «объектам», то есть такое, которое специфически характеризуется тем, что оно «имело» или предполагало *{субъективный} смысл*, независимо от степени его выраженности. Буддийское созерцание и христианская аскеза осмысленно соотнесены с «внутренними» для действующих лиц объектами, а рациональная экономическая деятельность человека, распоряжающегося материальными благами, — с «внешними» объектами. Специфически важным для понимающей социологии является прежде всего поведение, которое, во-первых, по субъективно предполагаемому действующим лицом смыслу соотнесено с *поведением других* людей, во-вторых, *определено* также этим его осмысленным соотнесением и, в-третьих, может быть, исходя из этого (субъективно) предполагаемого смысла, понятно *объяснено*. Субъективно осмысленно соотнесены с внешним миром, и в частности с действиями других, и аффективные действия, и такие косвенно релевантные для поведения «эмоциональные состояния», как «чувство собственного достоинства», «гордость», «зависть», «ревность». Однако понимающую социологию интересуют здесь не физиологические, ранее называвшиеся «психофизическими» явления, например изменение пульса или быстроты реакции и т. п., и не чисто психические данности, такие, как, например, сочетание напряжения с ощущением удовольствия или неудовольствия, посредством которых эти явления могут быть охарактеризованы. Социология дифференцирует их по типам *смысловой* (прежде всего внешней) соотнесенности действия, и поэтому целерациональность служит ей — как мы вскоре увидим — идеальным типом именно для того, чтобы оценить степень его *иррациональности*. Только если определять (субъективно предполагаемый) смысл этой «соотнесенности» как «внутренние» пласты человеческого поведения (такую терминологию нельзя не считать вызываю-

[497]

щей сомнение), можно было бы сказать, что понимающая социология рассматривает названные явления исключительно «изнутри», но это означало бы: не посредством перечисления их физических или психических черт. Следовательно, различия психологических свойств в поведении не релевантны для нас сами по себе. Тождество смысловой соотнесенности не связано с наличием одинаковых «психических» констелляций, хотя и несомненно, что различия в одной из сторон могут быть обусловлены различиями в другой. Такая категория, как, например, «стремление к наживе», вообще не может быть отнесена к какой-либо «психологии»; ибо при двух сменяющих друг друга владельца «одного и того же» делового предприятия «одинаковое» стремление к «рентабельности» может быть связано не только с совершенно гетерогенными «качествами характера», но и обусловлено в процессе совершенно одинаковой реализации и в конечном результате прямо противоположными «психическими» констелляциями и чертами характера; при этом и важнейшие (для психологии), решающие «целевые направленности» могут не быть родственны друг другу. События, лишённые смысла, субъективно соотнесенного с поведением других, по этому одному еще не *безразличны* с социологической точки зрения. Напротив, именно в них могут содержаться решающие условия, а следовательно, причины, определяющие поведение. Ведь для понимающей науки человеческие действия в весьма существенной степени осмысленно соотносятся с не ведающим осмысления «внешним миром», с явлениями и процессами природы: теоретическая

конструкция поведения изолированного экономического человека, например, создана именно на этой основе. Однако значимость процессов, не обладающих субъективной «смысловой соотнесенностью», таких, например, как кривая рождаемости и смертности, формирование посредством естественного отбора антропологических типов, а также чисто психические факторы, принимается понимающей социологией просто в качестве «условий» и «следствий», на которые ориентируются осмысленные действия, подобно тому как в экономической науке используются климатические данные или данные из области физиологии растений.

Явления наследственности не могут быть поняты на основе субъективно предполагаемого смысла и тем меньше, чем точнее становятся естественнонаучные определе-

[498]

ния их условий. Предположим, например, что когда-либо удастся (мы сознательно не пользуемся здесь специальной терминологией) приближенно установить связь между наличием определенных социологически релевантных качеств и импульсов, таких, например, которые способствуют либо стремлению к определенным типам социального влияния и власти, либо шансам этого достигнуть наличием способности к рациональной ориентации действий вообще или других отдельных интеллектуальных качеств, с одной стороны, и индексом черепа или принадлежностью к обладающей какими-либо признаками группе людей — с другой. Тогда понимающей социологии пришлось бы, без всякого сомнения, принять во внимание эти специальные данные так же, как она принимает во внимание, например, последовательность типичических возрастных стадий или смертность людей. Однако подлинная ее задача состояла бы именно в том, чтобы, интерпретируя, объяснить: 1. Посредством каких осмысленно соотнесенных действий (будь то с объектами внешнего или собственного внутреннего мира) люди, обладающие специфическими унаследованными качествами, пытались осуществить свое стремление, обусловленное, помимо других причин, и этими качествами; в какой степени и по какой причине им это удавалось или не удавалось? 2. Какие понятные нам последствия подобное (обусловленное наследственностью) стремление имело для осмысленно соотнесенного поведения *других* людей?

II. ОТНОШЕНИЕ К «ПСИХОЛОГИИ»

Из всего сказанного очевидно, что понимающая социология не есть часть «психологии». Ведь непосредственно «наиболее понятный» тип смысловой структуры действий представляют собой действия, субъективно строго рационально ориентированные на средства, которые (субъективно) рассматриваются в качестве однозначно адекватных для достижения (субъективно) однозначно и ясно постигнутых целей. Причем наиболее понятно оно в том случае, когда и самому исследователю применяемые средства представляются наиболее адекватными поставленным целям. Когда подобные действия «объясняют», это отнюдь не означает, что их выводят из «психических» данных; напротив, это означает, что их

[499]

стремятся вывести из ожиданий (и только из них), которые субъективно связываются с поведением *объектов* (субъективная целерациональность) и которые могут быть с этим связаны на основании значимого опыта (объективная рациональность правильности). Чем однозначнее действие ориентировано по типу рациональной правильности, тем менее смысл его может быть понят с помощью каких-либо психологических соображений. Напротив, при любом объяснении «иррациональных» действий, то есть таких, где либо не принимаются во внимание «объективно» правильные условия целерационального действия, либо (вторая возможность) и субъективно в значительной степени исключаются целерациональные соображения действующего лица (например, при «биржевой панике»), необходимо прежде всего установить следующее: каким *было бы* это действие в рациональном идеально-типическом пограничном случае при абсолютной рациональности цели и рациональной правильности. Ибо только тогда, когда это установлено, может быть вообще, как показывает простейшее наблюдение, совершено каузальное сведение хода событий как к объективно, так и к субъективно

«иррациональным» компонентам, так как только тогда мы знаем, что же в этом действии объясняется только «психологически» (как принято характерным образом формулировать): другими словами, что следует сводить к связям, которые основаны на объективно ложной ориентации или на субъективной иррациональности по цели, а в последнем случае либо на постигаемых только в опыте, но совершенно непонятных, либо на понятных, но не поддающихся целерациональному истолкованию мотивах. Иного средства нет и для определения того, что (предположительно) в полностью известном «психическом» процессе оказалось релевантным для характера действия. Это относится без каких-либо исключений к любому историческому и социологическому каузальному сведению. Что касается последних «с очевидностью» постигаемых и в *этом* смысле «доступных пониманию» («переживанию посредством вчувство-вания») «целевых направленностей», на которые наталкивается понимающая психология (например, полового инстинкта), то они не более чем данности, которые в принципе следует просто принимать, абсолютно так же, как мы приняли бы любую другую, даже совершенно чуждую осмыслению констелляцию фактических данных.

[500]

Между совершенно (субъективно) целерациональным поведением и совершенно непонятными психическими данностями находятся так называемые «психологически» понятные (иррациональные по цели) связи (на весьма сложной казуистике этой проблемы мы здесь даже вкратце останавливаться не будем), объединенные в реальности множеством скользящих переходов. Субъективно целерационально ориентированное действие и действие, «правильно» ориентированное на то, что объективно значимо (рационально правильно), — в корне различные понятия. Исследователю, которому надлежит объяснить определенное действие, оно может казаться в высшей степени целерациональным, хотя и ориентированным на совершенно неубедительные, с его точки зрения, исходные позиции действующего лица. Так, например, действия, ориентированные на магические представления, субъективно подчас значительно более целерациональны по своему характеру, чем какое-либо немагическое, «религиозное» поведение, так как с ростом расколдования мира религиозность неизбежно вынуждена (субъективно) все более прибегать к иррациональным по цели смысловым связям (например, основанным на определенной «настроенности» или мистическим). Однако, оставляя в стороне проблему каузального сведения, следует указать на то, что в историческом и социологическом исследованиях постоянно приходится *также* заниматься и отношением действительного, понятного по своему смыслу поведения к тому, каким оно должно было бы быть по своему типу, *чтобы* соответствовать «значимому» (для самого исследователя) типу — назовем его «правильным». Для определенных (*не* всех) целей исторической и социологической науки тот факт, что субъективно осмысленное поведение (мышление или действие) ориентировано соответственно правильному типу, в противоречии с ним или приближенно к нему, чрезвычайно важен «сам по себе», то есть вследствие лежащего в его основе отнесения к ценности. Далее, это обстоятельство обычно оказывается решающим каузальным моментом во внешнем аспекте — для «результата» действий. Следовательно, при таком положении дел конкретно-исторические или типично социологические предпосылки могут быть открыты — по крайней мере в той степени, в какой степень идентичности, отклонения или противоречия эмпирического процесса по сравнению с правильным типом

[501]

становится понятной, а *тем самым* и объяснимой посредством категории «адекватной смыслу причинной обусловленности». Совпадение с «правильным типом» составляет «самую понятную каузальную связь», поскольку именно она «наиболее адекватна смыслу». «Адекватной смыслу причинной обусловленностью» в истории логики представляется тот факт, что при наличии определенной субъективно осмысленной связи различных соображений по логическим вопросам («состояние проблемы») мыслителю «приходит в голову» идея, приближающаяся к решению правильного типа, в принципе подобно тому, как ориентация поведения на познанную «опытным путем» действительность представляется нам специфически «адекватно по своему смыслу причинно обусловленной». Однако фактическое

приближение реальных действий к правильному типу, а следовательно, *фактическая объективная* рациональная правильность, еще очень далеки от обязательного совпадения с субъективно целерациональными действиями, то есть ориентированными на полностью однозначно осознанные цели и на полностью осознанный выбор «адекватных» для этого средств. Значительная часть исследований в области понимающей психологии направлена в настоящее время на выявление недостаточно или вообще не замеченных, следовательно, в этом смысле не субъективно рационально ориентированных связей, которые, однако, фактически идут главным образом в направлении объективно «рационально» понятной связи. Если полностью отвлечься от ряда областей исследования так называемого психоанализа, который носит именно такой характер, то окажется, что в конструкции, подобной теории Ressentiment у Ницше, содержится толкование, в котором из прагматической направленности интересов (недостаточно или вообще не замеченной, так как, по вполне понятным причинам, в них «не признавались») выводится объективная реальность внешнего или внутреннего отношения. Впрочем — совершенно в том же (методологическом) смысле, — это делается в опередившей ее на несколько десятилетий теории экономического материализма. В подобных случаях субъективная целерациональность (даже если она не замечена) и объективная рациональность правильности очень легко вступают в не вполне ясные взаимоотношения, которыми мы здесь, однако, заниматься не будем. Наша задача заключалась в том, чтобы указать (хотя

[502]

и неточно), насколько проблематичен и ограничен «чисто психологический» аспект понимания. На одной стороне перед нами незамеченная относительно высокая степень рациональности (в которой не сознаются) поведения, как будто совершенно иррационального по своей цели, — оно «понятно» вследствие этой рациональности. На другой — несчетное число раз (особенно в истории культуры) обнаруживаемое свидетельство того, что явления, как будто непосредственно целерационально обусловленные, в действительности исторически возникли благодаря совершенно иррациональным мотивам, а затем они, поскольку изменившиеся условия жизни придали им высокую степень технической «рациональной правильности», «адаптируясь», сохранились и в ряде случаев широко распространились.

Социология принимает во внимание, конечно, не только наличие таких «выдвинутых» мотивов поведения, как «замена удовлетворения» инстинктов и т. п., но, и прежде всего, то, что просто «непонятные» качественные компоненты мотивационного процесса в значительной степени определяют также его смысловую соотнесенность и характер его воздействия. «Одинаковое» по своей смысловой соотнесенности поведение уже при чисто количественном различии в «быстроте реакции» участников в своей конечной стадии часто проходит совершенно различным способом. Именно подобные различия, а тем более качественные моменты, ведут к тому, что «одинаковые» вначале по своей «смысловой» соотнесенности мотивационные сцепления в результате нередко перемещаются на пути, гетерогенные и по своему смысловому значению.

Для социолога нет четких границ между: 1) более или менее приближенно достигнутым типом правильности; 2) типом (субъективно), целерационально ориентированным; 3) более или менее осознанным или замеченным и более или менее однозначно целерационально ориентированным поведением; 4) поведением нецелерациональным, но понятным по своим смысловым связям; 5) поведением, мотивированным более или менее понятной смысловой связью, в большей или меньшей степени прерываемой непонятными, отчасти также определяющими ее моментами; 6) наконец, совершенно непонятными психическими и физическими данностями «в» человеке и «связанными» с ним. Социолог считает само собой разу-

[503]

моющим, что «рационально правильное» поведение не всегда субъективно обусловлено целерационально и что реальное поведение определяют в первую очередь не логически рационально выявляемые, а, как принято говорить, «психологические» связи. Так, логически можно было бы прийти к выводу, что следствием мистически-созерцательной религиозности

должно быть безразличие к тому, обретут ли спасение другие люди, а следствием веры в предопределение — фатализм или даже этическая аномия. В действительности же такая религиозность может в некоторых типических случаях привести к своего рода эйфории, субъективно ощущаемой как некая своеобразная безобъектная любовь, что, во всяком случае, представляет собой *частично* «непонятную» связь: в социальном поведении такое чувство часто выражается в виде некоего «акосмизма любви», что уже, конечно, является не целерационально, но психически «понятной» связью. Что же касается веры в предопределение, то при наличии известных (вполне понятных) условий она может специфически рационально понятным образом превратить в глазах верующего его способность к активной этической деятельности в залог его спасения и тем самым полностью раскрыть это качество частично целерациональным, частично совершенно понятным по своему смыслу образом. С другой стороны, однако, вера в предопределение в свою очередь может быть «психологически» понятным образом продуктом весьма определенных, также понятных по смыслу своих связей, жизненных судеб и качеств «характера» (которые следует принимать как данность). Короче говоря, отношение понимающей социологии к психологии в каждом отдельном случае различно по своему характеру. Объективно рациональная правильность служит в социологии идеальным типом по отношению к эмпирическому поведению, ценностно рациональная — по отношению к психологически понятному по своему смыслу, понятное по своему смыслу — по отношению к непонятно мотивированному: посредством сопоставления поведения того или иного характера с соответствующим идеальным типом устанавливаются каузально релевантные иррациональности (в каждом случае в различном смысле слова) для осуществления каузального сведения.

Социология категорически отвергает утверждение, будто «понимание» и «объяснение» *не* взаимосвязаны,

[504]

хотя и совершенно верно, что исследование в обоих случаях начинается на противоположных полюсах происходящего; частности, статистическая повторяемость поведения ни на йоту не делает «понятнее» его смысл, а оптимальная степень «понятности» как таковая никак не влияет на повторяемость, более того, при абсолютной субъективной целерациональности обычно даже противоречит ей. Несмотря на это, понятные в смысловом отношении духовные связи, особенно целерационально ориентированные мотивации, безусловно, могут с социологической точки зрения служить звеньями каузального ряда, который начинается, например, с «внешних» обстоятельств и в конечном итоге вновь ведет к «внешнему» поведению. Чисто «смысловые» интерпретации конкретного поведения как таковые даже при наибольшей «очевидности» и для социологии являют собой, конечно, лишь гипотезы каузального сведения. Они нуждаются в самой тщательной верификации, осуществляемой в принципе совершенно такими же средствами, как верификация любой другой гипотезы. Гипотезы такого рода мы считаем приемлемыми, если в каждом отдельном случае можно в самой различной степени исходить из «шанса», что даны (субъективно) «осмысленные» мотивационные сцепления. Ведь каузальные ряды, в которые посредством интерпретирующих гипотез включены целерационально ориентированные мотивации, допускают при определенных благоприятных обстоятельствах (и именно в соотношении с такой рациональностью) прямую статистическую проверку и в этих случаях, следовательно (относительно), оптимальное доказательство их значимости в качестве «объяснений». И наоборот, статистические данные (к ним относятся, в частности, и многие данные «экспериментальной психологии») повсюду, где они свидетельствуют о характере или следствиях поведения, в котором содержатся элементы, допускающие понятное истолкование, лишь в тех случаях для нас «объяснены», если они действительно осмысленно истолкованы в конкретном случае.

И наконец, степень рациональной *правильности* поведения является для эмпирической дисциплины вопросом *эмпирическим*. Ибо эмпирические дисциплины — там, где речь идет о реальных отношениях между их *объектами* (а не об их собственных логических предпосылках), — неизбежно изучают «наивный реализм», только изучают

его в различных формах, в зависимости от качественного характера объекта. Поэтому математические и логические положения и нормы в науке в том случае, когда они являются объектом социологического исследования — если, например, степень их рационально правильного «применения» становится целью статистического обследования, — «логически» рассматриваются в социологии только как конвенциональные условия практического поведения, хотя, с другой стороны, их значимость служит «предпосылкой» работы исследователя. Есть, конечно, в нашем исследовании такая важная проблематика, где именно отношение эмпирического поведения к правильному его типу становится также реальным каузальным *моментом развития* эмпирических событий. Однако выявление такого положения вещей должно быть целью, которая служит не устранению эмпирического характера объекта, но определяется отнесением к ценности, обуславливает характер применяемых идеальных типов и их функций. Важную и трудную даже по своему смыслу общую проблематику «рационального» в истории не следует здесь рассматривать мимоходом². Во всяком случае, для общих понятий социологии применение «правильного типа» в логическом понимании принципиально составляет лишь *один*, хотя часто и очень важный, случай образования идеального типа. Именно по своему логическому принципу его роль в общем аналогична той, которую в определенных обстоятельствах в зависимости от цели исследования может играть целесообразно выбранный «неправильный тип». Для последнего, правда, все еще является решающим моментом дистанция между ним и «значимым». Но *логически* нет различия в том, сконструирован ли идеальный тип из понятных по своему смыслу или из специфических, далеких от осмысления связей. Подобно тому как в первом случае идеальный тип образует значимая «норма», во втором случае его образует эмпирически сублимированная до уровня «чистого» типа фактическая данность. Однако и в первом случае эмпирический *материал* не формируется категориями «сферы значимости». Из нее взят только сконструированный идеальный тип. В какой мере именно правильный тип окажется целесообразным в качестве идеального типа, зависит только от отнесения к ценности.

III. ОТНОШЕНИЕ К ДОГМАТИКЕ ПРАВА

Цель нашего исследования—доказать, что «понимание» составляет, по существу, и причину того, что понимающая социология (в нашем смысле) рассматривает отдельного индивида и его действие как первичную единицу, как «атом» (если считать допустимым это само по себе сомнительное сравнение). В соответствии с другими задачами индивид может, конечно, определяться как совокупность психических, химических и любых других «процессов». Но для социологии все, что претупает порог того отношения к «объектам» (внутреннего или внешнего мира), которое допускает осмысленное толкование, принимается во внимание в такой же степени, как явления «чуждой смыслу» природы, как условие или предмет субъективного смыслового соотнесения. По той же причине для социологического исследования индивид являет собой и верхнюю границу осмысленного поведения, он — его единственный носитель. И замаскировать это не способна ни одна как будто отклоняющаяся от этого форма выражения. Не только специфика языка, но и специфика нашего мышления неизбежно ведут к тому, что понятия, с помощью которых постигается поведение людей, выявляют его в облике устойчивого бытия, вещного или ведущего свое самостоятельное существование «личностного» образования. Сказанное относится в первую очередь именно к социологии. Такие понятия, как «государство», «сообщество» (Genossenschaft), «феодализм» и т.п., в социологическом понимании означают — если выразить это в общей форме — категории определенных видов совместной деятельности людей, и задача социологии заключается в том, чтобы свести их к «понятному» поведению, а такое сведение всегда означает только одно — сведение к поведению участвующих в этой деятельности отдельных людей. В исследованиях иного рода это совершенно не обязательно обстоит таким образом. В первую очередь

социология отличается от юридического отношения к объекту. В юриспруденции «государство» при известных обстоятельствах рассматривается, подобно отдельному человеку, как «юридическое лицо», так как в юридическом исследовании, направленном на истолкование объективного смысла, то есть на такое содержание правовых положений, каким оно *должно* быть, подобного рода понятийное вспомогательное сред-

[507]

ство может восприниматься как полезное или даже необходимое. Совершенно так же правовое положение видит в эмбрионах «юридические лица», тогда как для эмпирических понимающих дисциплин даже в поведении ребенка граница между чистой данностью практически релевантного поведения и «поведения», понятного по своему смыслу, не может быть четко проведена. Социология в той мере, в какой «право» попадает в орбиту ее исследования, занимается не выявлением логически верного «*объективного*» содержания «правовых положений», а *действиями*, в качестве детерминантов и результатов которого могут, конечно, играть значительную роль — наряду с прочими факторами — и *представления* людей о «смысле» и «значимости» определенных правовых положений. За пределы этого, то есть за пределы простой констатации фактического наличия подобного представления о значимости, социология выходит лишь постольку, поскольку она, во-первых, принимает во внимание *вероятность* распространенности подобных представлений и, во-вторых, в силу того факта, что господствующие в умах ряда людей эмпирически определенные представления о «смысле» считающегося значимым «правового положения» могут привести в известных условиях к рациональной ориентации поведения на какие-либо «ожидания» и, следовательно, предоставить конкретным индивидам определенные «шансы». Это может серьезно влиять на их поведение. Таково понятийное социологическое понимание эмпирической «значимости» «правового положения». Поэтому с социологической точки зрения слово «государство», если оно вообще применяется, означает *только* вид человеческого поведения особого рода. Если в социологии здесь, как и в ряде случаев, приходится пользоваться термином, применяемым и в юридической науке, то его «юридически» правильный смысл совсем не тот, который имеет в виду социолог. Однако неизбежная судьба социологии такова, что, исследуя реальное поведение, где «типические» случаи постоянно переходят друг в друга, ей очень часто приходится применять строгие (поскольку они основаны на силлогистической интерпретации норм) юридические термины, которым она затем придает собственный, в корне отличный от юридического смысл. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что в соответствии с природой объекта в социологии постоянно приходится действовать таким образом: «при-

[508]

вычные», известные из повседневности смысловые связи используются для дефиниции других связей, а затем с помощью последних они в свою очередь обретают свою дефиницию. Несколько таких примеров мы здесь и рассмотрим.

IV. ОБЩНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ДЕЙСТВИЕ (*Gemeinschaftshandeln*)

Об «общностно ориентированных действиях» (*Gemeinschaftshandeln*) мы будем говорить в тех случаях, когда действия индивида субъективно *осмысленно* соотносятся с поведением других людей. Случайное столкновение двух велосипедистов мы не назовем общностно ориентированными действиями, но их предшествующие попытки избежать инцидента, а также возможную «потасовку» или попытку прийти к мирному «соглашению» мы уже относим к действиям упомянутого типа. Для социологического каузального сведения важны не только общностно ориентированные действия; но это — вопрос первостепенной важности для

«понимающей» социологии. Важный, хотя и не необходимый компонент общностно ориентированных действий составляет его смысловая ориентация на *ожидание* определенного поведения других и в соответствии с этим (субъективная) оценка шанса на успех собственных действий. Вполне понятным и важным основанием в объяснении рассматриваемых действий служит *объективное* наличие таких шансов, то есть большая или меньшая вероятность, которую можно выразить в «суждении об объективной возможности» (об этом подробнее ниже) того, что упомянутые ожидания обоснованы. Мы остаемся пока в пределах проблемы субъективного ожидания. «Целерациональные» действия, в том смысле, как мы их раньше определили, всегда ориентированы на ожидание. Поэтому сначала представляется, будто нет принципиальной разницы в том, следует ли считать, что поведение действующего лица основано на ожидании определенных явлений *природы*, которые могут возникнуть Либо без какого-либо вмешательства с его стороны, либо в виде реакции на его рассчитанные на них действия или подобным же образом связывать его поведение с ожиданием определенного поведения *Других людей*. Однако в последнем случае ожидания субъективно рационально действующего индивида могут

[509]

основываться и на том, что он предполагает возможным ожидать и от других субъективно *осмысленного* поведения и тем самым с различной степенью вероятности заранее исчислить, основываясь на определенных *смысловых* связях, и шансы других людей. Это ожидание может быть субъективно основанным прежде всего на том, что действующий индивид «приходит к соглашению» с другими лицами, «достигает договоренности» с ними, «соблюдения» которой (в соответствии с его собственным осмыслением такой договоренности) он, как ему представляется, имеет достаточное основание ждать от них. Уже одно это обстоятельство придает общностно ориентированным действиям специфическую и очень существенную качественную особенность, поскольку тем самым значительно расширяется сфера ожиданий, на которую индивид может, как он полагает, целерационально ориентировать свои действия. Правда, возможный (субъективно предполагаемый) смысл общностно ориентированных действий не исчерпывается ориентацией индивида на «ожидание» определенных действий третьих лиц. В пограничном случае такую ориентацию можно просто не принимать во внимание, и действия, соотношенные по своему смыслу с действиями третьих лиц, могут быть ориентированы на субъективно предполагаемую «ценность» содержания собственных действий как таковых (на «долг» или что бы то ни было) : в этом случае действия будут ориентированы не на ожидание, а на ценность. Содержанием такого «ожидания» могут быть не только действия, но и внутреннее ощущение (например, «радость») третьего лица. Переход от идеального типа смысловой соотношенности своего поведения с *осмысленным* поведением третьего лица. вплоть до такого случая, когда этот третий (например, грудной младенец) принимается во внимание просто как «объект», не имеет четких границ. Действия, ориентированные на ожидание осмысленных действий других людей, не более чем пограничный случай. Однако «общностно ориентированные действия» для нас всегда либо нечто, известное из *истории*, либо *теоретически* конструированное в качестве объективно «возможных» или «вероятных» действий *отдельных* индивидов в соответствии с действительным или с потенциально предполагаемым поведением других людей. Об этом необходимо помнить и при разработке тех категорий понятий социологии, о которых пойдет речь дальше.

[510]

V. ОБЪЕДИНЕНИЕ В ОБЩЕСТВА (Vergesellschaftung) И ОБЩЕСТВЕННО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ДЕЙСТВИЕ (Gesellschaftshandeln)

Обобщественно ориентированными («общественными» [в узком смысле]) *действиями* мы будем называть общностно ориентированные действия в том случае (и в той мере), если

они, во-первых, осмысленно ориентированы на ожидания, которые основаны на определенных установлениях, во-вторых, если эти установления «сформулированы» чисто целерационально в соответствии с ожидаемыми в качестве следствия действиями обобщественно ориентированных индивидов и, в-третьих, если смысловая ориентация индивидов субъективно целерациональна. Установленный порядок в том чисто эмпирическом смысле, который мы имеем в виду, — здесь будет дано лишь временное его определение — является либо односторонним, в рациональном пограничном случае категорическим требованием одних людей к другим, либо, в пограничном случае, категорическим двусторонним объяснением людей, субъективно предполагаемое содержание которого сводится к тому, что предполагаются и ожидаются действия определенного типа. Более подробно мы пока на этом останавливаться не будем.

Тот факт, что действия «ориентируются» по своему субъективному смыслу на установленный порядок, может означать, что субъективно воспринятому обобщественно ориентированными индивидами типу действий объективно соответствует их фактическое поведение. Смысл установленного порядка, а следовательно, и свое предполагаемое и ожидаемое другими поведение могут быть, однако, различно поняты или впоследствии различно истолкованы отдельными обобщественными индивидами, поэтому поведение, которое субъективно ориентировано соответственно существующему порядку (субъективно идентифицированному действующими лицами с собой), не обязательно должно быть в одинаковых случаях объективно одним и тем же. Далее, «ориентация» поведения на установленный порядок может заключаться и в том, что какой-либо из обобщественных индивидов сознательно *противодействует* субъективно постигнутому им смыслу установленного порядка. Если один из участников игры в карты сознательно и преднамеренно играет наперекор субъективно воспринятому им смыслу правил игры, то

[511]

он играет «неправильно», он тем не менее остается «участником» общества игроков в отличие от того, кто выходит из игры совершенно так же, как вор или убийца, скрывая совершенное им преступление или скрываясь сам, все-таки ориентирует свое поведение на те установления, которые он субъективно сознательно нарушает. Следовательно, решающим для эмпирической «значимости» целерационального функционирующего порядка является не то обстоятельство, что отдельные индивиды постоянно ориентируют свое поведение *соответственно* субъективно истолкованному ими смысловому содержанию. Эта значимость может сводиться к тому, что в одном случае действительно (субъективно) отдельные индивиды, подобно шулерам и ворам, в среднем ожидают, что *другие* индивиды данного общества будут в среднем вести себя так, «будто» первые руководствуются в своем поведении сохранением установленного порядка: в другом — что в соответствии с усреднением применяемым суждением о шансах, присущих поведению людей, они объективно *могут* рассчитывать на подобные ожидания (особая форма категории «адекватной причинной обусловленности»). Логически две указанные разновидности значимости следует строго различать. Первая субъективно присуща действующему индивиду, являющему собой *объект* наблюдения, то есть принимается исследователем как «в среднем» имеющаяся данность: вторая — это шанс, который должен быть *объективно* исчислен познающим *субъектом* (исследователем), исходя из наличия *вероятного* знания и из обычного типа мышления индивидов данного общества. При образовании общих понятий социологи предполагают, что и действующему индивиду субъективно присуща средняя мера «способности» понимания, необходимого для оценки имеющихся шансов. Это означает, что социолог раз и навсегда принимает идеально-типическую предпосылку, что объективно существующие усредненные шансы в среднем субъективно приближенно принимаются во внимание и целерационально действующими индивидами. Следовательно, и для нас эмпирическая «значимость» установленной. порядка заключается в объективной обоснованности усредненных ожиданий (категория «объективной возможности»). В более специальной формулировке можно сказать, что в соответствии с состоянием усреднения вероятностного исчисления фактических данных дейст-

вия, в *среднем* субъективно ориентированные на такие ожидания, считаются «адекватно причинно обусловленными». При этом допускающие *объективную* оценку шансы возможных ожиданий выступают как достаточно понятная *познавательная* основа для вероятного наличия упомянутых ожиданий у действующих индивидов. То и другое почти неизбежно совпадают здесь по своему выражению, что не должно стирать громадного логического различия между ними. Лишь в первом смысле — в объективном суждении о возможности — предполагается, конечно, что шансы возможных в среднем ожиданий могут по своему смыслу служить основой субъективным ожиданиям действующих лиц «и *поэтому*» действительно (в релевантной степени) служили им таковой. Тем самым из сказанного уже становится ясным, что между логически как будто взаимоисключающими сторонами альтернативы — существование объединения в общество или прекращение его — в реальности дана непрерывная шкала переходов. Как только все игроки в карты «узнают», что принятых правил игры вообще больше никто не придерживается, или как только окажется, что объективно шанса, принимаемого обычно в расчет, не существует, и поэтому и субъективно не принимается больше в расчет шанс на то, что убийца, например, будет интересоваться установленным порядком, который он сознательно нарушает, именно *потому*, что подобное нарушение не влечет за собой никаких последствий для него, — в таких случаях этот установленный порядок эмпирически больше не существует, а следовательно, не существует и соответствующего объединения в обществе. Оно сохраняется до той поры — и в той степени,— пока в практически *релевантном* масштабе так или иначе сохраняется в усредненно предполагаемом смысле ориентированное на его установления поведение. Границы здесь, однако, размыты.

Из сказанного явствует также, что реальное поведение индивида вполне может быть субъективно осмысленно ориентировано на *несколько* систем установлений, которые по принятому в них конвенциональному мышлению в смысловом отношении «противоречат» друг другу, однако тем не менее параллельно сохраняют свою эмпирическую «значимость». Так, например, согласно господствующим (в среднем) воззрениям на «смысл» нашего законодательства, дуэли категорически запрещены. Между

тем в соответствии с широко распространенными представлениями о «смысле» считающихся в обществе значимыми условностей³ дуэль часто бывает неизбежна. Участвуя в дуэли, индивид ориентирует свое поведение на эти конвенциональные предписания; однако, скрывая свои действия, он ориентируется на требования закона. Следовательно, практическое воздействие эмпирической (то есть здесь и всегда: в *среднем* ожидаемой для субъективно осмысленной ориентации поведения) значимости обеих систем установлений в этом случае различно. Между тем обеим системам мы приписываем эмпирическую «значимость», которая состоит в том, что поведение осмысленно ориентируется на их (субъективно постигнутый) смысл и испытывает его влияние. Естественным выражением эмпирической «значимости» системы мы будем считать шанс на то, что ее установлениям «будут следовать». Это значит, что объединенные в общества индивиды в среднем с достаточной долей вероятности рассчитывают на «соответствующее» (в среднем) «требованиям» установленного порядка поведение других, и сами в среднем также подчиняют свое поведение таким же их ожиданиям («соответствующее установленному порядку общественное поведение»). Однако необходимо подчеркнуть следующее: эмпирическая «значимость» системы не исчерпывается усредненной обоснованностью «ожиданий» одними индивидами, объединенными в общества, определенного фактического поведения других людей. Это лишь наиболее рациональное и социологически непосредственно доступное значение. Но поведение каждого из индивидов данной системы, ориентированное *исключительно* на то, что другие «ждут» от него соответствующего поведения, составило бы абсолютный пограничный случай чисто «общностно ориентированных действий» и свидетельствовало бы также об абсолютной лабильности самих этих ожиданий. Последние тем больше «обоснованны» усредненной вероятностью, чем больше можно в среднем рассчитывать на то, что индивиды ориентируют свои действия *не* только на

«ожидания» от других определенного поведения, и чем в более релевантной степени распространено среди них субъективное воззрение, что для них «обязательна» (субъективно осмысленно постигнутая) «легальность» отношения к системе.

Действия вора и шулера мы будем определять как (субъективно) «противоречащие установленному поряд-

[514]

ку» общественные действия, а действия, по своей интенции субъективно ориентированные на этот порядок, но отклоняющиеся от усредненного истолкования его правил,— как общественные действия, «отклоняющиеся от нормативных». За пределами этих категорий находятся только случаи «обусловленных обобществлением действий». Например, кто-либо полагает, что он вынужден в своем поведении целерационально исходить из обязанности, которую он взял на себя вследствие факта включенности в общество (отказаться, например, от каких-либо действий из-за обуславливаемых ими дальнейших расходов). Или может (например, в своих «дружеских связях» или в общем «стиле жизни»), не желая целерационально и не замечая этого, подчас испытывать в известных аспектах своего поведения влияние своей ориентации на какие-либо согласованно принятые установления (например, религиозной секты). Провести четкие грани этих различий в реальности трудно. В принципе вообще нет различия в том, проходят ли общественные действия в рамках смысловых отношений общественно ориентированных индивидов друг с другом или с третьими лицами; именно последний тип отношений может преимущественно составлять предполагаемый смысл объединения, образовавшегося на основе взаимного согласия. Напротив, действия, ориентированные на установленный порядок объединения в общество, могут быть как «соотнесенными с обществом», то есть проистекающими из непосредственного занятия определенной позиции к установленному порядку (как всегда, *субъективно* по своему смыслу истолкованному) данного объединения в общество — следовательно, направленными по своему предполагаемому смыслу либо на планомерное полное осуществление эмпирической значимости этих установлений, либо, наоборот, на их изменение или дополнения к ним, — так и действиями, «регулируемыми обществом», то есть ориентированными на установления общества, но не «соотнесенными с обществом», как в первом случае. Однако и это различие лабильно.

На данной стадии мы будем считать рациональным идеальным типом объединения в общество «целевой союз», то есть общественные действия с установлениями о содержании и средствах общественных действий, целерационально принятыми *всеми* участниками на основе общего согласия. В согласии об установленном по-

[515]

рядке (его «формулировке») в идеально-типическом рациональном случае все обобществленно действующие лица субъективно однозначно выговорили условия: какие и в каких формах осуществляемые действия каких (или каким образом определяемых) лиц («органов союза») должны считаться действиями союза и какой «смысл», то есть какие последствия, это будет иметь для объединенных в союзе лиц. Далее, будут ли — и какие — материальные блага и достижения доступны использованию в общих целях («цели союза») общественной деятельности («имущество для достижения определенных целей»). Затем, какие органы союза будут этим распоряжаться и каким образом: что участники должны делать во имя целей союза; какие действия «требуются», «запрещаются» или «разрешаются» и какие преимущества они получают от своего участия в деятельности союза. И наконец, какими будут органы союза, при каких условиях и с помощью каких средств им надлежит действовать для сохранения установленного порядка («аппарат принуждения»). Каждый индивид, участвующий в общественных действиях, в известной степени полагается на то, что другие участники союза (приблизительно и в среднем) будут действовать в соответствии с установленным соглашением, и исходит из этого при рациональной ориентации собственного поведения. Основания, которые отдельный индивид, как он полагает, имеет для такой уверенности, безразличны для эмпирического существования союза, если объективно существует возможность того, что результаты любых, *каких бы то ни было* по своему характеру интересов других будут склонять

их к тому, чтобы в среднем достаточно решительно поддерживать установленный порядок. Конечно, вероятность физического или (пусть даже столь мягкого, как, например, христианское «братское» увещание) психического принуждения в случае несоблюдения установлений союза значительно усиливает субъективную уверенность в том, что (в среднем) доверие не будет обмануто, а также и объективную вероятность того, что упомянутые ожидания обоснованны. Действия, которые по своему субъективно усредненно предполагаемому смыслу свидетельствуют о наличии «соглашения», мы назовем в отличие от «общественных действий», ориентированных на это соглашение, действиями, объединяющими в общество. Внутри ориентированных на соглашение дей-

[516]

ствий важнейшим видом «соотнесенных с обществом» общественных действий являются, с одной стороны, специфические общественные действия «органов», с другой — общественные действия индивидов, объединенных в общество, которые по своему смыслу соотнесены с действиями органов. Внутри категории обобществления, относящейся к «институтам» — мы ее рассмотрим ниже (в частности, внутри «государства»), — обычно разделяют установления, которые созданы для ориентации этих действий, — право института (в государстве — «публичное право»), и установления, регулирующие прочие действия индивидов данного института. Такое разделение существует и внутри целевого союза («право союза» противостоит здесь установлениям, созданным союзом). Однако мы не будем здесь заниматься указанными противоположностями (не допускающими четкого определения).

При полном развитии целевой союз являет собой не эфемерное, а длительно существующее «социальное образование». Это означает: несмотря на смену лиц, участвующих в общественных действиях союза, то есть несмотря на то, что они выбывают из его состава и одновременно в него все время входят новые лица, конечно — в идеально-типическом пограничном случае, — всегда на основе новых соглашений, он рассматривается как остающийся идентичным. Это происходит до тех пор, пока, несмотря на смену состава, можно действительно ожидать, что действия, ориентированные на «одинаковые» установления союза, сохранятся в социологически релевантном размере. «Одинаковым» же в социологическом смысле (субъективно постигнутым) порядок считается до той поры, пока по усредненному обычному мышлению обобществленно объединенных индивидов принимается его идентичность в важных по усредненным представлениям пунктах. Они могут принимать его более или менее однозначно, более или менее приближенно: «одинаковость» в социологическом понимании — лишь относительная и меняющаяся данность. Обобществленно объединенные в союзе индивиды могут сознательно менять установленный порядок посредством новых общественно объединяющих действий; эти установления без какой-либо перемены в упомянутых действиях могут меняться сами по своему практическому значению для действий индивидов вследствие изменения распрост-

[517]

раняющегося усредненного постижения их «смысла» или в особенности вследствие изменения обстоятельств («изменение значения», неточно именуемое также изменением цели), а иногда и вообще потерять свое значение. В подобных случаях тот факт, будет ли социолог из соображений целесообразности рассматривать изменившиеся общественные действия как «продолжение» прежнего или как «новое» социальное образование, зависит от следующих факторов: 1) от непрерывности изменений; 2) от относительного объема эмпирически сохраняющихся прежних установлений в виде соответственно ориентированных действий; 3) от продолжавшегося существования органов союза и аппарата принуждения либо в прежнем составе, либо в близком ему по типу вновь введенных лиц, либо — если это новые органы — от того, действуют ли они аналогично прежним. Вновь следует заметить, что и здесь переходы носят скользкий характер. В такой же степени является вопросом, который в каждом отдельном случае решается по-разному (то есть исходя из целесообразности, определяемой конкретной исследовательской целью), в каких случаях объединение в общество

рассматривается как «самостоятельное» образование и в каких случаях его рассматривают как часть более широкого, выходящего за свои границы обобществления. Последнее возможно в двух случаях: 1. Если эмпирически «значимые» *установления* общественных действий не коренятся исключительно в установлениях, сформулированных участниками этих действий (автономные системы), но общественные действия обусловлены также и тем, что участвующие в них индивиды ориентируют, свои действия (здесь, как и всегда: обычно) также и на установления другого общественного объединения, в котором они участвуют (гетерономные системы). Примером могут служить действия церкви применительно к установлениям политической власти или наоборот. 2. Если органы какого-либо общественного объединения в свою очередь также определенным образом обобществлены в рамках обобществляющих органов другого союза большего масштаба: так, например, органы «полка» в общем аппарате «военного управления» (гетерокефальный целевой союз в отличие от «автокефального, типа свободного союза или самостоятельного государства»). Гетерономия установлений и гетерокефалия органов уп-

[518]

равления часто, но не обязательно совпадают. В настоящее время общественные действия в автокефальном союзе обычно обусловлены также и ориентацией действий членов этого союза на установления политического союза, следовательно, оно гетерономно. Социалистическое «обобществление» средств производства означало бы, что уже сегодня в значительной степени гетерономное, то есть ориентированное на установления других, прежде всего политических союзов, общественное поведение каждого отдельного, теперь в принципе автокефального «предприятия» стало бы гетерокефальным, то есть ориентированным на органы какой-либо (любой) «совокупности».

Не каждое общественное объединение по соглашению ведет к возникновению целевого союза, для которого в соответствии с данной дефиницией должны быть конститутивны: 1) соглашение по поводу *общих* правил и 2) наличие собственных *органов* союза. Объединение в общество («обобществление по случаю») может быть по своему назначению и совершенно эфемерным; например, если речь идет о совместно задуманном убийстве из мести, которое участники договоренности предполагают осуществить в ближайшее время, следовательно, в нем могут отсутствовать все упомянутые характеристики целевого союза, кроме рационально установленного по совместной договоренности «порядка» общественных действий, который по принятой дефиниции считается здесь конститутивным. Хорошим примером последовательности ступеней от объединения в общество по случаю до целевого союза может служить промышленное картелирование, которое начинается с простой однократной договоренности между отдельными конкурентами о границах снижения цен и завершается «синдикатом», обладающим большим капиталом, конторами сбыта товаров и развернутым аппаратом управления. Общим для всех них является лишь установленный по общему соглашению порядок, который при предполагаемой здесь идеально-типически точной формулировке всех пунктов должен, во всяком случае, содержать указание на то, что считается для участников договора обязательным, что запрещается и что дозволяется. При изолированном (мыслимым в условиях полного абстрагирования от какого бы то ни было «правопорядка») обмене, например в идеально-типическом случае полной ясности, договоренность

[519]

должна распространяться по крайней мере на следующие пункты: 1) обязательна: передача товаров в процессе обмена и — эвентуально — обязанность гарантировать право владения на товары от посягательства третьих лиц; 2) запрещено: требовать возврата обменных товаров; 3) разрешено: любым образом располагать приобретенными в обмен товарами. Изолированный рациональный «обмен» такого типа являет собой один из пограничных случаев обобществления без «органов управления». Из всех признаков целевого союза он обладает только одним — установленным по договоренности порядком. Он может быть структурирован гетерономно (правом или условностью) или располагать полной автономией, будучи обусловлен в своих «ожиданиях» обоюдным доверием, основанным для обеих сторон на том, что другая сторона,

какими бы интересами она ни руководствовалась, будет следовать договоренности. Однако обмен этого типа не может быть назван ни автокефальным, ни гетерокефальным общественным действием, так как он вообще не есть устойчивое «образование». В такой же степени и наличие актов обмена в качестве массового явления, даже в качестве внутренне каузально связанных массовых явлений («рынка»), конечно, ни в коем случае не может рассматриваться как целевой союз, более того, он в принципе отличен от него. .Случай с обменом одновременно наглядно иллюстрирует тот факт, что действия, которые *ведут* к объединению в общества (обобществленные действия), совсем не обязательно должны быть ориентированы только на ожидания соответствующих действий со стороны общественно объединенных лиц. Напротив, как показывает данный пример, они ориентированы также и на ожидание того, что третьи, не причастные к акту обмена лица «отнесутся с уважением» к результату обмена, к «смене владельца». До сих пор это просто «общностные действия» того типа, который мы впоследствии будем называть «действиями, основанными на согласии».

В истории мы обнаруживаем шкалу, ступени которой ведут от «объединения в общество по случаю» вплоть до устойчивого «образования». Типовой зародыш того обобществленного объединения, которое мы сегодня называем «государством», находится, с одной стороны, в свободных «объединениях в общество по случаю», созданных любителями добычи, отправлявшимися в поход во главе

[520]

с избранным ими вождем; с другой — в таких «объединениях в общество по случаю», к которым прибегали те, кому грозило нападение. Здесь полностью отсутствует какое-либо имущество, используемое как средство осуществления цели, и длительность. Как только поход за добычей завершен (удачно или неудачно) и добыча распределена, как только опасность нападения предотвращена — объединенность в общество перестает существовать. Отсюда до длительного обобществления военнообязанных, систематического налогообложения женщин, тех, кто не состоит на военном учете, покоренных народов, и далее — до узурпирования судебных и административных общественных функций — длинный непрерывный путь. Наоборот, из существующих для удовлетворения потребностей длительных общественных объединений может в результате распада — и это один из различных сопутствующих возникновению «народного хозяйства» процессов — сложиться аморфное, представляющее собой общественно объединяющие действия образование — «рынок».

«Психическое» отношение к такому акту его участников, то есть вопрос, какими глубокими «внутренними побуждениями» они руководствуются, объединяясь и ориентируя свои действия на принятые установления, — поступают ли они таким образом, исходя из трезвых соображений целесообразности, из горячей приверженности совместно принятым или предполагаемым общим целям или неохотно принимая их как неизбежное зло, как нечто соответствующее их привычному поведению или почему-либо еще, — все это для существования обобществленного объединения безразлично до той поры, пока в конечном итоге шансы на такую ориентацию на договоренность сохраняются в социологически релевантном размере. В своих общественных действиях их участники могут ведь преследовать совершенно различные, противоположные и взаимоисключающие цели, и очень часто так оно действительно и бывает. Международный военно-правовой союз, правовая обобщественность для общностных действий на рынке с его процессом обмена и борьбой цен — лишь особенно яркие примеры этого постоянно встречающегося положения дел. Общественные действия всегда, разумеется, являются выражением констелляции интересов, направленной на ориентацию поведения, своего и чужого, на его правила, и *ни на что*

[521]

более, и поэтому констелляцией интересов, весьма различной для каждого из участников. В самой общей форме содержание указанной констелляции интересов можно чисто формально определить так, как это уже многократно определялось, а именно следующим образом: отдельный индивид полагает, что он может рассчитывать на совместно принятый посредством

обобщественного объединения характер действий *другого* или *других* и что в его интересах полностью ориентировать на это свои действия.

VI. «СОГЛАСИЕ»

Существуют комплексы общностных действий, которые *без* каких-либо целерационально принятых по совместному соглашению установлений тем не менее, во-первых, носят такой характер, будто подобные установления существуют; во-вторых, их специфический характер в известной степени обусловлен и видом смысловой отнесенности действий каждого отдельного человека. В любом рациональном обмене «денег», например, содержится наряду с единичным актом обобщественного объединения с партнером смысловая соотнесенность с будущими действиями внутри некоей неопределенно представляемой (только такое неопределенное представление и допускающей) сферы актуальных и потенциальных владельцев денег, любителей денег и предполагаемых участников обмена. Ибо собственные действия ориентированы на ожидание того, что и другие будут «брать» деньги, так как только такое ожидание и делает возможным их использование. Правда, здесь смысловая ориентация в целом направлена на собственные интересы — и косвенно на предполагаемые индивидуальные интересы других, — на удовлетворение собственных потребностей и удовлетворение потребностей других. Однако это не есть ориентация на установленный порядок удовлетворения потребностей предполагаемых участников акта обмена. Более того, отсутствие — во всяком случае, относительное — («общеекономического») порядка, регулирующего удовлетворение потребности в употреблении денег со стороны участников этого акта, служит прямой предпосылкой функции денег. Тем не менее общий результат денежного обмена обычно во многих отношениях

[522]

носит такой характер, «как будто» он достигнут посредством ориентации на правила, установленные для удовлетворения потребностей всех участников обмена. Это происходит именно *вследствие* смысловой соотнесенности действий потребителя денег, чье положение, как и любого участника акта обмена, в среднем внутри известных границ определено таким образом, будто его интерес обычно требует от него, чтобы он в известной мере принимал во внимание интересы других, поскольку эти интересы являют собой, как правило, обоснование тех «ожиданий», которые он в свою очередь может иметь применительно к действиям других. «Рынок» в качестве идеально-типического комплекса такого рода действий отчетливо демонстрирует введенный нами посредством выражения «как будто» признак.

Языковая общность выражается в идеально-типическом «целерациональном» пограничном случае посредством многочисленных отдельных актов обобщенных действий, ориентированных на ожидание встретить у другого «понимание» предполагаемого смысла. Тот факт, что в массовом масштабе среди множества людей понимание происходит более или менее приближенно посредством определенных близких по смыслу, внешне подобных друг другу символов, «как будто» участвующие в разговоре ориентируют свое поведение на совместно принятые грамматически целесообразные правила, — также являет собой пример, соответствующий упомянутому признаку «как будто», поскольку этот случай детерминирован смысловым соотношением актов участвующих в разговоре индивидов.

Однако общим для обоих названных случаев является едва ли не исключительно указанный признак. Ибо то, как достигается общий результат, может быть, правда, для обоих случаев иллюстрировано несколькими внешними параллелями, однако они не имеют серьезной познавательной ценности. Следовательно, для социологии это «как будто» имеет значение лишь постольку, поскольку в обоих случаях присутствует постановка *проблемы*, которая, однако, сразу же ведет к совершенно иным по своему содержанию понятийным рядам. Всякого рода аналогии с «организмом» и подобными биологическими понятиями заранее обречены на

неудачу. К тому же общий результат, который внешне представляется таким, «как будто» действия людей детерминированы совместно

[523]

установленным порядком, совсем не обязательно может быть достигнут *только* посредством общностных действий людей, но в такой же степени, и еще значительно более ощутимо, он достигается посредством различных форм «однотипных» и массовых действий, которые не относятся к общностным действиям.

По принятой нами дефиниции мы говорим об «общностных» действиях там, где действия одних индивидов соотнесены по своему смыслу с действиями других. Следовательно, простая «однородность» поведения ряда лиц еще не дает основания для такого определения, так же как и не всякий вид «взаимодействия» или чистое подражание как таковое. Ведь «раса» — каким бы однотипным ни было поведение принадлежащих к ней индивидов в отдельном случае — становится для нас «расовой общностью» лишь в том случае, если поведение индивидов соотносится по своему смыслу друг с другом: если, например — мы берем простейший случай, — представители данной расы в каком-либо отношении «обособляются» от чуждой им в расовом отношении среды, *исходя* из того что представители другой расы поступают так же (характер и масштабы такого обособления здесь значения не имеют). Когда толпа прохожих одинаково реагирует на проливной дождь, открывая зонты, то это не совместные действия (а действия «массово-однотипные»): таковыми не являются также и действия, вызванные простым «влиянием» поведения других, не соотнесенные с ним по смыслу, например при общей панике или если толпа прохожих во время давки на улице испытывает какое-либо психическое воздействие «массового характера». В тех случаях, когда на поведение отдельных людей влияет *самый факт* того, что и другие участники сложившейся ситуации поступают определенным образом, мы будем говорить о «поведении, обусловленном массовостью». Ведь нет никакого сомнения в том, что даже самый факт совместно действующей, пусть даже территориально разделенной, но соотнесенной друг с другом (например, через прессу) «массы» может оказывать влияние на поведение каждого отдельного индивида. Рассматривать здесь эту проблему мы не будем, так как она относится к области «массовой психологии». Переход от «обусловленных массовостью» действий к общностным действиям в реальности, конечно, лишен четких границ. Даже в таком явлении, как паника,

[524]

безусловно, содержатся наряду с элементами, обусловленными массовостью, и элементы общностных действий. К этому типу действий приближаются и действия людей, сообща вступающих в схватку с вооруженным пьяным и — при эвентуальном «разделении труда» — обезоруживающих его, или когда они совместно оказывают помощь пострадавшему. Поскольку здесь в поведении людей присутствует «разделение труда», совершенно очевидно, что общностные действия ничего общего не имеют с «однотипными» действиями и часто по своему значению даже противоположны им. В названном свойстве заключается и отличие от действий, основанных на «подражании». «Подражанием» может быть поведение, только «обусловленное массовостью» или ориентированное на поведение того, кому подражают, то есть «копирование». Причем это в свою очередь происходит скорее из-за целерациональной—или какой-либо другой—оценки значимости поведения как такового, являющегося образцом для подражания, или лишь в смысловой соотнесенности с ожиданиями, например из соображений, связанных с «конкуренцией». Отсюда ведет многоступенчатая шкала переходов к случаю весьма специфических общностных действий, где подражание объясняется тем, что поведение, являющееся образцом, рассматривается как признак принадлежности к определенному кругу людей, которые — причина здесь роли не играет — претендуют на специфический «социальный престиж» и в какой-то степени им обладают. Однако последний случай уже выхо-

дит за пределы простого «подражания», и эта категория не дает его исчерпывающей характеристики.

Наличие «языковой общности» не означает в нашем понимании, что существует обусловленная массовостью однородность при произнесении определенных звуковых сочетаний (это совсем не требуется) или будто один индивид «подражает» тому, что делают другие; языковая общность сводится к таким действиям индивида при каких-либо «высказываниях», которые по своему смыслу ориентированы на определенные, в среднем существующие внутри какого-либо круга людей шансы быть «понятым», и, следовательно, в среднем дают этому индивиду основание ждать такого осмысленного результата. Совершенно так же понятие «господства» не означает, что некая более могущественная по своей природе сила сумеет так или иначе настоять на своем, а предполагает

[525]

осмысленное соотнесение одного действия («приказ») с другим («послушание») и соответственно обратное, в результате чего в среднем *можно* рассчитывать на осуществление тех ожиданий, на которые ориентированы действия обеих сторон.

Следовательно, пользующаяся отчетливыми признаками категория явлений не применима к феномену «как будто». Вот почему мы в добавление к тому, что было сказано о «подражании» и «господстве», внесем в существующее многообразие отношений другое разделение. Под «*согласием*» мы будем понимать следующее: действия, ориентированные на ожидания определенного поведения других, имеют вследствие этого эмпирически «значимый» шанс на то, что ожидания оправдаются, так как объективно существует вероятность того, что эти другие, несмотря на отсутствие какой-либо договоренности, практически отнесутся к таким ожиданиям как к «значимым» по своему смыслу для их поведения. Мотивы, исходя из которых можно ждать подобного поведения других, в концептуальном аспекте безразличны. Общностные действия, характер которых обусловлен — и в той мере, в какой он обусловлен, — ориентацией на шансы подобного «согласия», мы будем называть «действиями, основанными на согласии».

Объективно — в смысле оценки его шансов — «значимое» согласие не следует, конечно, отождествлять с субъективным предположением отдельного действующего индивида, что другие будут рассматривать его ожидания как значимые по своему смыслу, так же как эмпирическую значимость установленного по договоренности порядка не следует отождествлять с субъективным ожиданием того, что будет сохранен его субъективно предполагаемый смысл. Однако в обоих случаях между (логически охватываемой категорией «объективной возможности») *усредненной* объективной значимостью шанса и каждым *усредненным* субъективным ожиданием существует взаимосвязь понятной адекватной причинной обусловленности. Субъективная ориентация поведения на согласие может, как и при договоренности, в отдельном случае быть кажущейся или только приближенной, и это не может не оказать воздействия на степень и однозначность шансов на эмпирическую значимость. Индивиды, объединенные согласием, могут намеренно действовать вопреки ему. совершенно

[526]

так же, как общественно объединенные индивиды действуют вопреки договоренности. Подобно тому как «вор» в нашем примере, также и «неповинующийся», ранее согласившийся признавать господство другого, может, несмотря на свое «неповиновение», тем не менее (фактом сокрытия своих действий) ориентировать их на субъективно воспринятый смысл согласия. Поэтому понятие «согласие» не следует и в субъективном аспекте отождествлять с «удовольствием» по поводу его эмпирической значимости, испытываемым участвующими в этом акте индивидами. Боязнь дурных последствий может привести к тому, что человек «покоряется», принимая господство насилия в его усредненном содержании, совершенно так же, как он следует

нежелательной «свободной» договоренности. Правда, длительное недовольство подрывает шансы на сохранение согласия, однако оно продолжает существовать до той поры, пока господствующий посредством насилия индивид имеет объективно релевантный шанс рассчитывать на выполнение своих приказаний (в соответствии с усредненно воспринятым их смыслом). Причина этого важна постольку, поскольку (совершенно так же, как при обобществленном объединении) *только* ориентация на «ожидания» определенного поведения *другого* или *других* (например, только «страх» «повинующегося» перед «господином») составляет пограничный случай и обладает высокой степенью лабильности, так как ожидания и здесь тем объективно «обоснованнее», чем с большей вероятностью можно рассчитывать на то, что «согласившиеся» в среднем (субъективно) *сочтут* «действия, основанные на согласии» (по какой причине, здесь значения не имеет), для себя «обязательными». В конечном итоге «значимость» договоренности также основана на таком (базирующемся на легальности) согласии. Значимое согласие не следует отождествлять с «молчаливо достигнутой договоренностью». Между основанным на эксплицитной договоренности порядком и согласием существует, конечно, множество переходов, среди которых обнаруживается *также* и поведение, практически рассматриваемое участниками как усредненный, установленный по молчаливо достигнутой договоренности порядок. В принципе это, однако, не составляет особого случая по сравнению с отчетливо сформулированной договоренностью. «Недостаточно от-

[527]

четливая» договоренность являет собой установленный порядок, эмпирически особенно сильно подверженный — в соответствии с распространенными типами истолкования — возможным практическим последствиям. Напротив, «значимое» согласие в качестве чистого типа не содержит никаких установлений или специальной договоренности. Объединенные согласием индивиды могут при известных обстоятельствах вообще ничего не знать друг о друге, но их согласие может при этом эмпирически быть едва ли не непреложной «нормой»; примером могут служить сексуальные отношения между впервые встретившимися членами экзогамного рода, который часто охватывает различные политические и даже языковые общности. В качестве другого примера можно привести пользование деньгами, при котором согласие заключается в шансе на то, что используемый в данном акте обмена (в соответствии с предполагаемым его значением) товар будет в качестве денег рассматриваться многими неизвестными друг другу людьми как «значимое» средство оплаты долгов, то есть как средство, необходимое для совершения считающихся «обязательными» общностных действий.

Не все общностные действия относятся к категории действий, основанных на согласии, но лишь те, которые усредненно основывают свою ориентацию на шансы согласия. Социальное обособление индивидов одной расы, например, относится к названной категории лишь в том случае, если в какой-либо релевантной степени можно рассчитывать на то, что эти индивиды будут (в среднем) практически рассматривать такое обособление как нечто, *обязывающее* их к определенному поведению. В противном случае в зависимости от обстоятельств это следует рассматривать либо как действия, обусловленные массовостью, либо просто как общностные действия отдельных людей без какого бы то ни было согласия в качестве его основы. Лабильность такого перехода очевидна. Особенно сильна она в приведенных выше примерах, где речь шла о задержании пьяного или оказании помощи пострадавшему. Нечто большее, чем просто фактически предпринятые совместные *действия* (*Zusammenwirken*), объединенные простой общностной деятельностью, субъективно присутствует в поведении отдельных индивидов лишь там, где это поведение ориентировано на какое-либо согласие, которое предпола-

[528]

гается эмпирически «значимым», например если каждый индивид сочтет себя обязанным принимать участие в тех актуальных совместных действиях (*Zusammenhandeln*) в такой мере и

столько времени, как это определяется усредненно постигнутым «смыслом» согласия. Приведенные примеры, взятые в их среднем значении, различаются по степени согласия. Действия по оказанию помощи ближе по своему смыслу к тому, что существует шанс на согласие, следовательно, к действиям, основанным на согласии; другой пример можно, скорее, отнести к фактическим совместным действиям. И уж, конечно, не все действия людей, внешне представляющиеся «совместными», являют собой общностные или тем более основанные на согласии действия. С другой стороны, действия, представляющиеся совместными, вообще не относятся к понятию действий, основанных на согласии. Во всех этих случаях полностью отсутствует смысловая соотнесенность с действиями незнакомых третьих лиц. Подобным же образом (как в приведенных выше двух примерах) основанные на согласии действия сородичей отличаются по своей степени от общностных действий, соотнесенных с потенциальными действиями будущих участников акта обмена. В последнем случае согласие конституируется лишь постольку, поскольку в основе ожидания лежит возможность усредненной ориентации действий других на принятую *значимость*, следовательно, обычно лишь в той мере, в какой эти ожидания носят «легальный» характер. Лишь постольку и здесь действия можно считать основанными на согласии. В остальном же они лишь обобщенные действия, *обусловленные* согласием. С другой стороны, уже пример, где речь шла об оказании помощи, свидетельствует о том, что содержанием «согласия» может быть и совершенно конкретная соотнесенность с целью без каких-либо абстрактных «правил». Но в ряде случаев, когда мы исходим из основанной на согласии общности «длительного» характера, например «дружбы», содержание ее может быть постоянно меняющимся и определяться лишь посредством соотнесения с идеально-типически конструируемым *смыслом*, рассматриваемым каждой стороной в качестве значимого. Однако и этот смысл может меняться при неизменной идентичности лиц. Тогда и здесь является лишь вопросом целесообразности, рассматривать ли данную стадию как «продолжение» преж-

[529]

них, изменившихся по своему характеру отношения или как «новые» отношения.

Данный пример, а тем более пример эротической связи показывают, что в основе конституирующих согласие смысловых соотношений и «ожиданий» отнюдь не всегда лежат целерациональный расчет и ориентация на рационально конструируемый «порядок». Напротив, «значимая» ориентация на «ожидания» означает в рамках согласия лишь следующее: индивид обладает, как он полагает, *шансом* на то, что в среднем он может ориентировать свое поведение на определенное, более или менее часто считающееся «значимым», хотя при этом подчас совершенно иррациональное, содержание (внутреннего или внешнего) поведения другого индивида. Поэтому в каждом отдельном случае по-разному (так же как и при обобществлении) решается вопрос, в какой мере смысл согласия, выраженный обычно в «правилах», в среднем ведет к общим закономерностям практического поведения. Ибо и здесь *обусловленные* согласием действия не идентичны действиям, основанным на согласии. Так, например, «сословная конвенциональность» есть основанные на согласии действия, конституированные посредством такого поведения, которое в среднем «считается» эмпирически обязательным. Этим согласием по поводу того, что следует считать «значимым», «конвенциональность» отличается от простого «обычая», основанного на повторении привычных действий, а от права — отсутствием аппарата принуждения: конечно, границы по обе стороны не могут быть четко проведены. Сословная конвенциональность может, однако, привести к таким фактическим последствиям в поведении членов данного сословия, которые эмпирически не считаются обязательными на основе согласия. Так, феодальная конвенциональность, рассматривая торговлю как нечто безнравственное, могла привести к снижению степени собственной легальности феодалов в их отношениях с торговцами.

Совершенно различные субъективные мотивы, цели и «внутренние состояния» людей, понятные целерационально или «только психологически», могут создать в качестве равнодействующей одинаковые по своей смысловой соотнесенности общностные действия, а

также одинаковое по своей эмпирической значимости «согласие». Реальная основа действий, базирующихся на со-

[530]

гласии, есть просто констелляция «внешних» и «внутренних» интересов, наличие которых может быть обусловлено самыми различными внутренними состояниями и целями отдельных индивидов, и воздействует она на различным образом воспринятую значимость «согласия» и ни на что другое. Однако мы, конечно, не отрицаем того, что для отдельных типов общностных действий, различаемых по господствующей в них субъективной «смысловой направленности», так же как, в частности, и для действий, основанных на согласии, можно выявить мотивы, интересы и «внутренние состояния», которые в среднем чаще всего служат причиной возникновения и дальнейшего существования действий такого рода. Установить все это и есть одна из задач каждой содержательной социологии. Общие же понятия, дефиницией которых мы здесь занимались, не могут не быть скудными по своему содержанию. Не разграничен резко, конечно, и переход от действий на основе согласия к общественному поведению; последнее являет собой только особый случай, упорядоченный формулированием установлений. Так, например, основанные на согласии действия пассажиров трамвая, которые «становятся на сторону» индивида, вступившего в конфликт с кондуктором, переходят затем в общественное поведение, если они объединяются для подачи «жалобы». Повсюду, где целерационально устанавливается порядок, всегда присутствует объединение в «общество», пусть даже в самых различных масштабах и смысле. Обобществленное объединение возникает уже в том случае, когда «обособившиеся» представители расы основывают по взаимному согласию, но без оформленной договоренности «журнал», находят «издателя», «редакторов», «сотрудников» и «абонентов» и из этого журнала теперь в прежнюю аморфную сферу поведения идут на основе согласия директивы различной степени значимости. Так же обстоит дело, когда для какой-либо языковой общности создаются «академия» типа *Accademia della Crusca* и «школы», где преподаются грамматические правила: или в сфере «господства» — аппарат с рациональными учреждениями и чиновниками. И обратное: едва ли не в каждом общественном объединении среди его членов обычно на основе согласия складывается поведение, выходящее за пределы его рациональных целей {обусловленное обобществлением}. В каждом кегельном клубе существуют «конвенциональ-

[531]

ные» предписания, регулирующие взаимоотношения его членов, то есть вне сферы общественного объединения формируется ориентированное на «согласие» общностное поведение.

Каждый отдельный человек постоянно участвует в многочисленных, самых разнообразных сферах действий, общностных, основанных на согласии, и общественных. Его общностное поведение может теоретически в каждом данном своем акте осмысленно соотноситься с другой сферой чужого поведения и с другими объединениями на основе согласия и общественного объединения. Чем многочисленнее и многообразнее по типу конститутивных для них шансов сферы, на которые индивид *рационально* ориентирует свои действия, тем дальше заходит «рациональная дифференциация» общества: чем более *обобществленными* становятся по своему характеру его действия, тем большей степени достигает «рациональная *организация* общества». Индивид может, конечно, участвовать в ряде общностных действий различного типа посредством одного и того же акта поведения. В акте обмена, который некое лицо совершает с неким X, уполномоченным Y, который в свою очередь является «органом» целевого союза, содержится: 1) устное и 2) письменное объединение в общество; 3) обобществление акта обмена лично с X; 4) тоже лично с Y; 5) то же с общественными действиями участников целевого союза; 6) акт обмена ориентирован в своих условиях также и на ожидания потенциальных действий других заинтересованных в данном акте лиц (конкурентов с обеих сторон), а в равной степени и на легализованное согласие и т. д. Чтобы входить в число

действий на основе -согласия, действие должно принадлежать к общностным действиям, но *ориентированным* на согласие оно может быть и без этого условия. Любые распоряжения по поводу запасов или имущества человека (оставляя в стороне, что они обычно вообще осуществимы только при наличии защиты, которую аппарат принуждения предоставляет политическому сообществу) лишь и в той мере ориентированы на согласие, в какой они учитывают возможность изменения в количестве своих запасов посредством обмена вовне. Денежное «частное хозяйство» охватывает действия общественные, действия, основанные на согласии, и общностные действия. Только чисто теоретический пограничный случай, робинзонада,

[532]

совершенно свободен от каких бы то ни было общностных, а следовательно, и от ориентированных на согласие действий, так как робинзонада по своему смыслу ориентирована только на ожидание состояния природных объектов. Сама возможность мыслить такой случай ясно показывает, что «хозяйственные» действия по самому своему понятию не обязательно включают в себя и *общность* действия. Напротив, как правило, именно концептуально «наиболее чистые» типы в отдельных сферах действий находятся за пределами общностных действий и сфер согласия, причем это в равной степени относится как к области религии, так и к экономике и научным и художественным концепциям. Путь «объективации» ведет — необязательно, но, как правило, быстро — к общностным действиям, и если не всегда, то, как правило, именно к действиям на основе согласия.

Из сказанного ни в коем случае не следует делать вывод, будто общностные действия, согласие и объединение в общества можно как-то идентифицировать с представлением о действиях «друг с другом и друг для друга» в отличие от какого-либо «противопоставления». Не только совершенно аморфная общность, но и «согласие» отнюдь не тождественно для нас с «замкнутостью», обособлением от других. Является ли сфера действий, основанных на согласии, «открытой», то есть может ли любой желающий в каждый данный момент принять в них участие, или «закрытой» и в какой мере, то есть исключается ли участие в них третьих лиц, будь то просто по взаимному согласию или посредством объединения в общества, — вопрос, который решается в каждом отдельном случае по-разному. Конкретная языковая или рыночная общность всегда где-то имеет границы (обычно размытые); это означает, что обычно в «ожиданиях» принимается во внимание в качестве актуального или потенциального участника согласия не человек, а некое часто весьма неопределенное по своим границам множество. Однако, например, участники языковой общности, как правило, совсем не заинтересованы в исключении из согласия третьих лиц (конечно, в зависимости от обстоятельств какого-либо конкретного собеседования); а лица, интересы которых связаны с рынком, часто заинтересованы именно в «расширении» рынка. И все-таки как язык (в качестве сакрального, сословного или конспиративного), так и рынок—по-

[533]

средством монополистического соглашения или обобществления — могут быть «закрыты». С другой стороны, сфера специфических общностных действий конкретных органов власти, обычно закрытых посредством объединения в общества, может быть в значительной степени открыта (для участия «новых людей») именно в интересах носителей власти.

Участники действий, основанных на согласии, *могут* преследовать совместные внешние интересы. Однако это не обязательно. Действия на основе согласия — еще не «солидарность», и общественные действия никоим образом не исключают и не противоречат тем общественно связанным действиям, которые мы называем *борьбой*, то есть в самой общей форме стремлением противопоставить свою волю другой, сопротивляющейся ей, ориентируясь на ожидание определенного поведения другого. Борьба потенциально присуща всем видам общественно связанных действий. В какой степени, например, акт общественного объединения практически означает солидарность *по* отношению к третьим лицам, компромисс между различными интересами или лишь желательное по каким бы то ни было причинам для

участников этого акта перемещение форм борьбы и ее объектов в соответствии с усредненной (быть может, в индивидуальных проявлениях различной), субъективно предполагаемой целью, решается в каждом данном случае по-разному: часто все эти моменты в каком-то виде присутствуют. Нет таких сообществ, основанных на согласии, в том числе и характеризующихся безграничной самоотверженностью — например, при эротических отношениях или проявлениях милосердия. — в которых, несмотря на эти чувства, не могло бы присутствовать и самое жестокое насилие над другим человеком. Вместе с тем в большинстве актов «борьбы» содержится какая-то степень общественного объединения или согласия. Перед нами обычный в социологии случай, когда фактически понятия частично перекрывают друг друга, происходит это из-за наличия одинаковых, только рассмотренных под различным углом зрения признаков. Борьба, полностью лишенная какой бы то ни было общности с противником, — лишь пограничный случай. От вторжения монголов до современного ведения войны в соответствии с «требованиями международного права» (пусть даже не всегда действенными), от рыцарских сражений с их

[534]

строгим установлением допускаемого оружия и определенными правилами («*messieurs les Anglais, tirez les premiers*»)* до судебного поединка или «дружественного поединка» корпорантов, который можно уже отнести к спортивным «соревнованиям», мы повсюду обнаруживаем градуированно увеличивающиеся фрагменты основанного на согласии объединения в общность борющихся сторон; там, где насильственная борьба переходит в «соперничество», будь то борьба за завоевание олимпийских венков, за голоса избирателей или иные атрибуты власти, за социальный престиж или доходы, в основе ее всегда лежит рациональное объединение в общество, установления которого служат «правилами игры», определяющими формы борьбы, но при этом сдвигающими ее шансы. Растущая от ступени к ступени склонность к «мирному» урегулированию споров, вытесняющая применение физической силы, лишь отодвигает ее на задний план, будучи неспособна полностью исключить ее из отношений между людьми. Лишь в ходе исторического развития применение силы все более монополизировалось аппаратом принуждения *одного* определенного типа общественного объединения или сообщества, основанного на согласии, а именно политического, которое преобразовало его сначала в упорядоченную угрозу принуждения со стороны могущественных людей, а затем формально нейтральной власти. То обстоятельство, что «принуждение», физическое или психическое по своему характеру, в той или иной степени лежит в основе всех видов объединения в общество, заставляет нас кратко остановиться на данном вопросе лишь в той степени, в какой это необходимо в качестве дополнения ко всем выше рассмотренным идеально-типическим понятиям.

VII. «ИНСТИТУТ» И «СОЮЗ»

В приведенных нами примерах неоднократно встречался случай, на котором здесь следует более подробно остановиться: речь идет о том положении вещей, когда кто-либо без своего содействия оказывается участником какой-либо общности, основанной на согласии, и остается таковым. При аморфных действиях, основанных на

[535]

взаимном согласии, таких, например, как «разговор», это не требует объяснения, ибо в нем «принимает участие» каждый, чьи действия соответствуют признаку той предпосылки (согласие), которую мы приняли. Однако дело не всегда обстоит так просто. Выше мы приняли в качестве идеального типа «объединения в общество» «целевой союз», основанный на полной

* «Господа англичане, стреляйте первыми» (франц.).—Прим. перев.

договоренности о средствах, целях и порядке. При этом было установлено, что (и в каком смысле) подобный союз может считаться постоянным образованием, несмотря на изменения в составе его участников. Предполагалось также, что «участие» отдельных лиц, то есть обоснованное в среднем ожидание того, что каждый индивид будет ориентировать свои действия на установленный порядок, покоится на особой рациональной договоренности с каждым участником в отдельности.

Однако существует ряд очень важных форм общественного объединения, где общественное поведение так же, как в целевом союзе, в значительной степени рационально упорядочено в своих средствах и целях принятыми установлениями, следовательно, «обобществлено», но внутри этих обобществлений едва ли не в качестве основной предпосылки их существования действует следующий принцип: как правило, отдельный индивид оказывается участником в общественных действиях и, следовательно, одним из тех, на кого распространяются ожидания, что его поведение будет ориентировано на упомянутые установления, — без своего содействия этому. Конститутивное для таких форм объединения в общество общ-ностное поведение характеризуется именно тем, что при наличии известных объективных данных, присущих определенному лицу, от него ожидают участия в общественных действиях, в частности, следовательно, ориентации его действий на установленный порядок, причем в среднем эти ожидания оправданны, поскольку упомянутые индивиды эмпирически считаются «обязанными» участвовать в общественных действиях, конститутивных для данного сообщества, и поскольку существует шанс на то, что эвентуально, если они не захотят участвовать, их заставит повиноваться (пусть даже посредством мягких мер воздействия) «аппарат принуждения». Объективные данные, с которыми эти ожидания связаны, в особо важном случае, в случае политической общности, — прежде всего происхождение, родственные связи, а иногда даже

[536]

просто пребывание или определенная деятельность в определенной области. Обычно вступление индивида в сообщество такого рода предопределено его рождением и воспитанием. Такого рода сообщества характеризуются, во-первых, тем, что в отличие от «целевого союза» добровольное вступление заменено в них зачислением на основании чисто объективных данных независимо от желания зачисляемых лиц; во-вторых, тем, что в отличие от сообществ, основанных на согласии, преднамеренно отказывающихся от рационального порядка, следовательно, в этом отношении аморфных образований, здесь *одним* из определяющих поведение факторов служит наличие рациональных установлений и аппарата принуждения. Такие сообщества мы будем называть «*институтами*». Не каждое сообщество, к участию в котором индивид предопределен рождением и воспитанием, является «институтом»; таковым не является, например, языковое или семейное сообщество, поскольку оба они лишены рациональных установлений. Однако им, безусловно, является та структура политического сообщества, которую мы называем «государством», или та структура религиозного сообщества, которую в строгом техническом смысле принято определять как «церковь».

Подобно тому как общественное действие, ориентированное на рациональную договоренность, относится к поведению, основанному на согласии, институт с его рациональными установлениями относится к «*союзу*». Действиями в рамках союза мы считаем действия, ориентированные не на установления, а на согласие; следовательно, поведение, основанное на согласии, характеризуется: 1) тем, что зачисление индивида в число участников происходит по общему согласию без предпринятых каких-либо целерационально направленных действий с его стороны; 2) тем, что, несмотря на отсутствие специально созданных для этой цели постановлений, определенные лица (обладающие властью) устанавливают по общему согласию *действенный* порядок поведения для лиц, зачисленных по общему согласию в члены союза; 3) тем, что упомянутые носители власти в рамках союза сами или через посредство других лиц готовы в случае необходимости осуществить физическое или психическое

принуждение любого типа по отношению к членам, не подчиняющимся сообще принятому порядку. При этом речь идет, конечно, как при любом «согласии», об усред-

[537]

ненно однозначно понятием содержания и меняющихся усредненных шансах эмпирической значимости. К «союзам» достаточно чистого типа относятся: исконное «семейное сообщество», где власть принадлежит главе семьи, не имеющее рационально установленного порядка патримониальное политическое образование, во главе которого стоит «правитель», а также община, состоящая из «пророка» и его учеников, где власть принадлежит пророку, и основанная только на согласии религиозная «община», где власть принадлежит наследственному иерарху. В принципе здесь нет каких-либо специфических особенностей по сравнению с действиями, основанными на согласии, в других социальных образованиях такого типа, и вся их казуистика распространяется и на союз. В современной цивилизации почти вся деятельность союзов хотя бы отчасти так или иначе упорядочена посредством рациональных установлений: отношения внутри «семейного сообщества», в частности, гетерономно регулируются «семейным правом», установленным государством. Переход к «институту», следовательно, недостаточно определен, тем более что институтов чистого типа очень немного. Чем многообразнее конституирующая их институциональная деятельность, тем чаще они в своей совокупности не упорядочены целерационально посредством формальных установлений. Те установления, например, которые регулируют общественные действия политических институтов — мы считаем *ad hoc*, что они совершенно целерациональны, — и именуется «законами», как правило, отражают лишь фрагментарные отношения, к рациональному упорядочению которых стремятся какие-либо группы, интересов. Следовательно, действия на основе согласия, фактически конституирующие определенное образование, обычно не только выходят за рамки своих общественных действий, ориентированных на целерациональные установления, что свойственно большинству целевых союзов, но и предшествуют этим действиям. «Институциональные действия» — рационально упорядоченная часть «союзных действий», институт — частично рационально упорядоченный союз. Другими словами, в социологическом отношении переход очень мобилен. Правда, институт представляет собой совершенно рациональное «новообразование», однако возник он все-таки не в «сфере, полностью лишенной союзов»; напротив, уже сложившаяся ранее деятельность

[538]

внутри союза или регулируемая союзом теперь подчиняется — например, в результате «аннексии» или объединения прежних союзов в новый институт — посредством серии направленных на этот акт установлений либо совершенно новым порядком в рамках соотнесенной с союзом или регулируемой им деятельности, или тому и другому: либо предпринимается замена союза, с которым теперь должна координироваться деятельность его членов, чьи установления будут теперь для них значимы; либо заменяется только состав органов института, и в частности его аппарата принуждения.

Возникновение новых установлений *института* любого рода, будь то вследствие образования нового *института* или в процессе повседневной деятельности, лишь чрезвычайно редко происходит на основе автономной «договоренности» всех участников будущих действий, от которых ждут лояльности в предполагаемом усредненном смысле по отношению к этим установлениям. Обычно происходит «насильственное их внедрение»: определенные лица прокламируют некие установления в качестве обязательных для координированной с союзом или регулируемой им деятельности, и лица, связанные с институтом (или подчиненные ему), в той или иной степени покоряются этому, что находит свое выражение в более или менее лояльной, однозначной по своему смыслу ориентации их действий на упомянутые установления. В результате установленный в институте порядок становится эмпирически значимым в качестве действующего на основе «согласия». И в данном случае надо избегать отождествления с «пребыванием в согласии» или со своего рода «молчаливой

договоренностью». Здесь также имеется в виду усредненный *шанс* того, что те, кого (в среднем) «считают» объектом насильственно введенных установлений, действительно — из страха, религиозных убеждений, пиетета к властителю, чисто целерациональных или любых других мотивов (причина здесь роли не играет) — будут *считать* эти установления практически «значимыми» для своего поведения и, следовательно, ориентировать (в среднем) свои действия на их смысл. Насильственное введение определенного порядка может быть осуществлено «органами института» посредством их специфических функций, которые силою согласия признаны эмпирически значимыми и основаны на установлениях (автономное насильственное введение поряд-

[539]

ка); таковы, например, законы полностью или частично автономного ввне института (например, «государства»). Это введение нового порядка может быть и «гетерономным», идти извне, то есть навязываться прихожанам церкви, членам общины или иного союза, близкого по типу к институту, каким-либо другим, например политическим, союзом, причем участники гетерономно упорядоченного сообщества подчиняются в своих общностных действиях новому порядку.

Преобладающая часть всех установлений *как* институтов, *так* и союзов возникла не на основе договоренности, а в результате насильственных действий, то есть люди и группы людей, способные по какой-либо причине фактически влиять на общностные действия членов института или союза, направляют его в нужную им сторону, основываясь на «ожидании согласия». Реальная власть, предписывающая определенные действия, может в свою очередь эмпирически «считаться» принадлежащей в силу общего согласия каким-либо индивидам, которым она доверена вследствие каких-то их личных качеств, определенных признаков или в результате того, что они избраны в соответствии с правилами (например, на выборах). В таком случае эти эмпирически значимые — поскольку в среднем фактически в достаточной степени определяющие действия участников «согласия» — претензии и представления «значимой» власти, насильственно внедряющей новый порядок, можно называть «устройством» данного института. Оно находит свое выражение в самой различной степени в рационально сформулированных установлениях. Часто именно наиболее важные практические вопросы оказываются не затронутыми ими, причем в ряде случаев преднамеренно (почему—мы здесь не будем рассматривать). Поэтому установления, касающиеся эмпирически значимой власти, которая предписывает определенное поведение и в конечном итоге основана на «согласии» участников союза, всегда дают неполное представление о ней. Ведь фактически главное содержание «согласия», которое отражено в действительно эмпирически значимом «устройстве», сводится к оценке того, по отношению к каким людям, в какой степени и в каких отношениях есть шанс, что они в среднем практически *подчинятся* тем, кто, по принятому толкованию, является участником аппарата принуждения. Создатели целерациональ-

[540]

ных устройств могут, опираясь на них, связать насильственно введенный порядок с одобрением большинства членов или большинства лиц, обладающих определенными признаками или избранных в соответствии с правилами. Само собой разумеется, что и это остается «насилием» по отношению к меньшинству, о чем свидетельствует весьма распространенное у нас в средние века — а в России в виде «мира» сохранившееся до начала нашего времени — представление, согласно которому «значимое» установление, по существу, должно (несмотря на то, что официально принцип большинства голосов уже вошел в действие) основываться на согласии всех тех, для кого оно обязательно.

фактическая власть такого рода покоится на специфическом, все время меняющемся по силе и характеру влиянии «*господствующих*» конкретных людей (пророков, королей, патримониальных властителей, отцов семейства, старейшин или других авторитетных лиц, чиновников, партийных и прочих «*вождей*» самого *различного* характера, что социологически

очень важно) на деятельность других членов союза. Влияние такого рода в свою очередь основывается на различных по своему характеру мотивах, в том числе *также* и на возможности применить меры физического или психического принуждения. Однако и здесь следует исходить из того, что основанные на согласии действия в том случае, если они ориентированы только на ожидания (в частности, «страха» повинующихся), составляют лишь относительно лабильный пограничный случай. Шанс на то, что существует эмпирическая значимость согласия, и здесь будет — при прочих равных условиях — тем более вероятным, чем в большей степени можно в среднем рассчитывать на то, что повинующиеся повинуются по *той* причине, что они и *субъективно* рассматривают свои отношения к господствующему над ними индивиду как нечто для них *обязательное*. До той поры, пока дело обстоит в среднем или приблизительно таким образом, «господство» покоится на согласии, признающем его «*легитимность*». Господство как важнейшая основа едва ли не всей деятельности союзов, к проблематике которого мы здесь подошли, должно быть объектом особого, выходящего за пределы данного исследования рассмотрения. Его социологический анализ непосредственно связан с различными возможными, субъективно осмыс-

[541]

ленными основами того согласия по поводу «*легитимности*», которое повсюду, где повиновение обусловлено не просто страхом перед непосредственной угрозой насилию, в решающей степени определяет его специфический характер. Однако названная проблема не может быть разрешена попутно, поэтому в данной связи мы вынуждены отказаться от анализа возникающих перед нами «подлинных» проблем социологической теории, изучающей союзы и институты.

Путь развития ведет, правда, в каждом отдельном случае — мы это видели уже раньше — и здесь от конкретного рационального порядка типа целевого союза к созданию «выходящих за его пределы» действий на основе согласия. Однако в целом в рамках доступного нашему обзору исторического развития можно констатировать если не однозначную «замену» действий *на* основе согласия объединения в общество, то, во всяком случае, все расширяющееся целерациональное упорядочение действий на основе согласия посредством формализованных установлений и все большее преобразование союзов в целерационально упорядоченные институты.

Что же практически означает рационализация установлений сообщества? Для того чтобы конторский служащий или даже глава конторы «знал» бухгалтерские правила и ориентировал на них свои действия, правильно — или в ряде случаев неправильно вследствие ошибки или сознательного обмана — применяя эти правила. ему совсем не надо представлять себе, какие рациональные принципы положены в основу этих норм. Для «правильного» применения таблиц умножения не требуется рационального понимания алгебраических положений, которые определяют, например, такое правило вычитания: вычесть 9 из 2 нельзя, поэтому я занимаю 1. Эмпирическая значимость таблицы умножения есть случай «значимости, основанной на согласии». Однако «согласие» и «понимание» неидентичны. Таблица умножения совершенно так же «предписывается» нам в детстве, как подчиненному — рациональные распоряжения деспота: причем в самом полном значении этого акта — в качестве чего-то, нам по своим основам и даже целям вначале совершенно непонятного, но тем не менее по своей «значимости» обязательного. Следовательно, «согласие» есть простое «подчинение» привычному *потому*, что оно привычно. Таким оно в большей или меньшей

[542]

степени и остается. Не посредством рациональных соображений, а руководствуясь привычной (предписанной) эмпирической проверкой от противного, выводится заключение о том, «правильно» ли проведено в соответствии с установленным согласием вычисление. Это обнаруживается повсюду: когда мы, например, пользуемся трамваем, лифтом или ружьем, ничего не зная о научных принципах, на которых основана их конструкция и о которых даже водитель трамвая или оружейный мастер может иметь лишь приблизительное понятие. Современный потребитель обычно лишь в самых общих чертах представляет себе технику изготовления

повседневно употребляемых им продуктов, а подчас не ведает даже, из какого материала и в какой отрасли промышленности они создаются. Его интересуют лишь практически важные для него аспекты этих артефактов. Совершенно так же обстоит дело с социальными институтами, например с деньгами. Потребитель не знает, каким образом деньги обретают свои поразительные специфические свойства, ведь об этом горячо спорят и специалисты. То же мы обнаруживаем, когда обращаемся к целерационально установленным порядкам. В стадии дискуссии о новом «законе» или параграфе «союзного устава» те лица, во всяком случае, чьи интересы практически непосредственно затрагиваются, обычно понимают, в чем подлинный «смысл» новообразования. Однако как только оно входит в практику повседневной жизни, первоначально более или менее единодушно предполагаемый его создателями смысл настолько забывается и перекрывается изменением его значения, что лишь ничтожная часть судей и поверенных помнит еще о «цели», ради которой в свое время было достигнуто согласие или предписано определенное понимание запутанных норм права. Что же касается «публики», то она осведомлена о факте создания и эмпирической «значимости» форм права, а следовательно, и о проистекающих из такого знания «шансах» ровно настолько, насколько это необходимо для предотвращения самых крупных неприятностей. С ростом сложности установления и все увеличивающейся дифференциации общественной жизни указанное явление принимает все более универсальный характер. Лучше всего, безусловно, эмпирический смысл установленного порядка, то есть ожидания, которые с достаточной степенью вероятности в

[543]

среднем должны следовать из того факта, что этот порядок некогда был создан, а теперь определенным образом усреднение интерпретируется и гарантируется аппаратом принуждения, известен тем, кто намеревается планомерно действовать *вопреки* ему, тем самым «нарушить» его или «обойти». Рациональные порядки обобществления, будь то институт или союз, внедряются или «внушаются», следовательно, одними людьми, — их цели могут быть самыми различными. Другие, «органы» общественного объединения — совсем *не* обязательно зная что-либо о целях создания этих порядков, — субъективно толкуют их более или менее однозначно и активно проводят их. Третьим рациональные порядки известны — в той мере, в какой это совершенно необходимо для их частных целей, — субъективно, в различной степени приближения к тому, как существующие установления обычно применяются, и в качестве средства ориентации своих (легальных или нелегальных) действий, поскольку они связаны с определенным ожиданием поведения других («органов», а также товарищей по институту или союзу). Четвертые—это «масса»—усваивают определенное «традиционное», как мы говорим, поведение в каком-либо приближении к усредненно понятому смыслу и следуют ему по большей части без какого-либо знания о цели и смысле, даже о самом существовании данных порядков. Эмпирическая «значимость» *именно* рационального порядка основана, следовательно, прежде всего на согласии повиноваться тому, что привычно, с чем сжились, что привито воспитанием и все время повторяется. С точки зрения своей субъективной структуры поведение людей часто даже в преобладающей степени приближается к типу повторяющихся массовых действий, без всякого соотнесения их со смыслом. Прогресс в области дифференциации и рационализации общества означает, следовательно, что в конечном итоге обычно (хотя и не без исключений) те, кого рациональные методы и порядки практически касаются, все больше отдаляются от их рациональной основы, которая в целом от них обычно более скрыта, чем смысл магических процедур, совершаемых колдуном, от «дикаря».

Таким образом, универсализация знания об условиях и связях общественно объединяющих действий не только не ведет к их рационализации, но, скорее, наоборот. «Дикарь» знает неизмеримо больше об экономичес-

[544]

ких и социальных условиях своего существования, чем «цивилизованный» человек в обычном смысле слова. И совсем не всегда действия «цивилизованного» человека носят субъективно более целерациональный характер. Они проявляются по-разному в различных сферах

деятельности, и это уже особая проблема. Специфически рациональный оттенок в отличие от «дикарей» придает положению «цивилизованных» людей в данном аспекте следующее: 1) привычная *уверенность* в том, что условия повседневной жизни, будь то трамвай или лифт, деньги, суд, армия или медицина, в *принципе* рациональны по своей сущности, то есть являются продуктами человеческой деятельности, доступны рациональному знанию, созиданию и контролю, а это имеет серьезное значение для характера «согласия»; 2) уверенность в том, что они функционируют рационально, то есть в соответствии с известными правилами, а не иррационально, подобно силам, на которые дикарь пытается влиять с помощью колдуна, что по крайней мере в принципе их можно «принимать во внимание», *исчислять*, ориентировать свои действия на однозначные вызванные ими ожидания. Именно это и создает специфическую заинтересованность рационального капиталистического «предприятия» в «рациональных» установлениях, практическое функционирование которых может быть принято в расчет с такой же степенью вероятности, как функционирование машины. Но об этом речь пойдет в другом месте.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Помимо высказываний по этому вопросу *Зиммеля* (в сборнике «Проблемы философии истории») и собственных работ, помещенных в данном сборнике, я считаю нужным отослать читателя к замечаниям Риккерта (во 2-м издании его «Границ») и на различные работы К. Ясперса (особенно «Общую психопатологию»). Различия в образовании понятий у нас от образования понятий у названных авторов, а также в важной работе Ф. Тенниса («Сообщество и общество»), трудах А. Фиркандта и других авторов не обязательно всегда отражают различия во взглядах. В методологическом отношении следует, кроме вышеуказанных работ, принять во внимание книгу Готля («Господство слова»), для категории объективной возможности Радбруха и, хотя уже более косвенным образом, Гуссерля и Ласка. Легко заметить, что наш метод образования понятий внешне как будто похож, при полной внутренней противоположно-

[545]

сти, на конструкции *Р. Штаммлера* («Хозяйство и право»), столь же выдающегося юриста, сколь неудачливого социального философа, привнесшего полную путаницу в ряд вопросов. Это сходство преднамеренное. Характер образования социологических понятий — в значительной степени вопрос целесообразности. Совершенно *не обязательно* создавать все представленные ниже категории. В некоторой своей части они разработаны для того, чтобы показать, «что должен был полагать Штаммлер». Второй раздел данной статьи — фрагмент уже давно написанной работы, в которой была сделана попытка дать методологические обоснования ряду эмпирических исследований, в том числе и статье для сборника «Хозяйство и общество». Педантическая пространность изложения объясняется желанием строго различать *субъективно* предполагаемый смысл от объективно значимого (в этом отношении частично отходя от метода Зиммеля).

2. Характер того, как «действует» связь между правильным типом поведения и эмпирическим поведением и как это соотносится с социологическим влиянием, например в конкретном развитии искусства, я надеюсь при случае показать на определенном примере (истории музыки). Не только для истории логики или других наук, но в такой же степени во всех остальных областях именно те связи, то есть швы, где может возникнуть напряжение между эмпирическим типом и типом правильности, имеют громадное значение для динамики развития. В такой же степени значимо, впрочем, и другое положение вещей, индивидуальное и в каждой области культуры совершенно различное по своему характеру. Оно сводится к тому, что (и в каком смысле) однозначный правильный тип не может быть проведен, он всегда

возможен или неизбежен только как компромисс или выбор между несколькими основами рационализации. Подобные содержательные проблемы мы здесь рассматривать не можем.

3. В данной связи мы не будем подробно рассматривать это понятие. Заметим только следующее: «правом» мы считаем порядок, социологически гарантированный в своей значимости «аппаратом принуждения» (смысл его будет вскоре охарактеризован); условностью — порядок, гарантированный только «социальным порицанием» группы, объединенной в «правовое» или «конвенциональное» сообщество. Конечно, в реальной действительности здесь нет четкой границы.

[546]

Текст приводится по изданию:

Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. — М.: Прогресс, 1990. —808 с.— (Социологич. мысль Запада).